

Река
неуспокоенных
душ

Таэн Ривз

18+

Таэн Ривз

Река неупокоенных душ

<https://litres.ru/73956396>

SelfPub; 2026

Аннотация

Принц спросил у Неба:

"Почему люди умирают?"

Небо ответило ему:

"Чтобы ты научился помнить..."

В городе Линыцзы таятся свои тайны. Люди прячутся в домах, стоит последним лучам солнца коснуться кленовых листьев, а по ночам начинает работать таверна в которой пропадают путники...

Содержание

Записи о кровавых барабанах, призывающих души	4
Хроники кровавых теней в винной лавке	9
Хроники о соломенной кукле и следах, что ведут внутрь.	21
Колодец забытых имен	31
Битва стихий	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Река непокоённых душ

Записи о кровавых барабанах, призывающих души

1046 года до н.э.

Эпоха Западная Чжоу

Кровь... Чуждая, густая, как бронза, выплавленная для ритуальных треножников, стекала по его рукам. Он стоял последним среди мертвых. Последним из двадцати, чьи жизни стоили сотен.

Потрепанный штандарт с изображением Чёрной Черепахи упал в грязь. Воин запрокинул голову, подставляя лицо кровавому дождю — словно бросал вызов Шан-ди, Небесному Владыке.

Гнев. Густой, как дым от жертвенных костей, клокотал в его груди.

Месть. Лишь она осталась. Месть за тех, чьи тела лежали вокруг — еще вчера пившие с ним рисовое вино из одного рога.

Он ловил ртом алые капли. Нет, это не дождь милости Небес — это ответ Жёлтых Источников (подземного мира).

Его пальцы впились в собственное лицо — но когти были уже не человеческими.

Кости хрустнули, как бамбуковые дощечки для гаданий. Кровь текла по резным ритуальным шрамам на щеках.

Земля содрогнулась, когда он зарычал — так рычали только жертвенные быки перед ударом бронзового ножа.

Три барабана, обтянутых кожей тигра, стояли перед ним. Он прокусил запястье (зубы уже напоминали клыки жертвенного тигра). Кровь не капала — текла ровными линиями, как письма на панцирях черепах:

- (Цзо) — для мёртвых

- (Ю) — для живых

- (Гуй) — для себя

Первый удар звучал, как звон ритуальных колоколов эпохи Ся.

Второй — как стон расчленяемого жертвенного пса.

Барабаны звучат неправильно. У них нет эха, звук глхнет, как в могиле.

Он заплясал, впадая в транс, ударяя в три огромных барабана, обтянутых кожей тигров, принесённых в жертву перед битвой.

Круг из крови и пепла завершён. Теперь барабаны стучали сами:

— Высокие звуки: зов предков из родового храма.

— Низкие: плач женщин у реки Ло.

Вода в лужах начала сворачиваться, как кровь жертвенного быка на раскалённом треножнике. То был знак – духи слышали его.

Над полем пролетела трехногая ворона Шан-ди.

Дождь из алой жижи падал с неба как в пророчестве на лопатке жертвенного оленя из архива Иньсюй:

«В день гуй-юй кровь падёт с неба трижды»

...Барабаны завывали, как раненые звери.

Он бил в них окровавленными колотушками, а дождь из алых нитей плел между ударами паутины имен.

И тогда — Лужи зашевелились.

Не просто вода. Не просто кровь. Лица.

Двадцать лиц, всплывающих из красной жижи:

1. Лу Сянь (его заместитель) — с проломленным черепом (во рту — гадательная кость с пророчеством).

2. Мэн Цзюнь (барабанщик) — с перерезанным горлом (из раны выползают шелковичных черви).

3. Старый Ли (знаменосец) — без глаз (в глазницах — отражение звезды Цань, покровительницы битв).

Они зовут. Не ртами — дрожью кровавой поверхности:

— Один стучал пальцами по крови — ритм "три долгих,

два коротких" (сигнал атаки клана Цзян).

- Другой открывает рот — и из него выползают шелковичные черви.

— Третий плевал кровью — капли складывались в письмена на костях.

Воздух наполнился запахом жженой полыни и бронзы.

Тени начали подниматься.

Каждый воин сохранил свои смертные раны:

- Лу Сянь с проломленным черепом - в руке сжимал обломок ритуального сосуда гу.

- Мэн Цзюнь с перерезанным горлом - из раны выползали белые шелковичные черви.

- Старый Ли без глаз - в пустых глазницах мерцал зеленый огонь, как на бронзовых масках из Иньсюя.

С каждым ударом, с каждым виртуозным вмахом руки танцующего на барабанах появлялись имена погибших в битве. С каждым именем поднималась тень.

Демон уже был не здесь. Его телом движет что-то иное. Его тело припадало к земле, словно в мольбе: «освободите их!.. или верните мне» Или кто-то иной, заставлял двигаться все быстрее и быстрее пока последний из погибших не поднялся не начал возвращать свои очертания, словно дух.

Когда двадцатый воин поднялся, земля содрогнулась.

Последние звуки барабанов растворились в сумерках, с неба упал один-единственный зуб - белый, острый, тигриный. Мужчина поднял его, и в этот момент все двадцать те-

ней прошептали одно слово, которого не могло быть:

«Ди-синь...»

Хроники кровавых теней в винной лавке

260 год др н.э., царство Ци, город Линьцзы

Время: Час Ю (17:00-19:00), 8-й месяц.

Небо пылало, как бронзовый треножник, вынутый из горна - алые полосы заката напоминали предзнаменование на панцире черепахи из храма Тайшань. Последние лучи солнца цеплялись за ветви тутового дерева, посаженного при основании города, пробиваясь сквозь листву, уже тронутую осенним огнём. Они дробились на тысячи искр, рассыпаясь по брусчатке, превращая улочки в зыбкий коридор из света и теней.

Воздух был густым, как бульон из костей — запах опавших листьев, дыма очагов и кисловатого цзю (рисового вина), что проливалось на деревянные скамьи. Люди спешили укрыться за ставнями, будто боялись, что ночь схватит их за пятки. Лишь путники да беспечные гуляки оставались на улице, не чуя, как тени за их спинами становятся длиннее, чем должны.

А в центре этого угасающего мира, будто корабль в бурю, стояла Харчевня «У трёх журавлей» с потрёпанной вывес-

кой - дощечкой из древесины персика, на которой иероглиф 'вино' был выжжен раскалённым стилетом. Низкое, приземистое здание с потемневшими от времени стенами. Её вывеска, некогда ярко-красная, теперь походила на засохший струп, а скрип двери звучал, как старческий кашель.

Внутри царил таинственный мир запахов и теней.

Горьковатый дым очага, где старик-хозяин подогревал чайник. В воздухе висели ноты сожжённой полыни — для очищения, но от чего?

Сладковатая вонь перебродившего вина, смешанная с ароматом тушёной баранины. Лёгкая плесень от мокрых половниц — будто где-то под полом стояла вода, хотя до реки было далеко.

Стук деревянных чашек о столы. Приглушённый смех пьяных торговцев — слишком громкий, будто они боялись тишины. Где-то в углу скрипела старая цитра — одинокий музыкант брэнчал на струнах, но если приглядеться, у него не было одного глаза.

У входа: Перевернутые бочки из-под вина, на которых восседали молчаливые мужчины в потрёпанных плащах. Их руки, покрытые шрамами и татуировками, сжимали чашки так крепко, будто боялись, что их вырвет ураганом.

В центре: Низкие столики из дуба, покрытые жирными пятнами и царапинами от ножей. На одном из них лежала костистая рыба голова — её пустые глаза смотрели в потолок. Циновки из тростника, на которых сидели крестьяне и

путники. Они ели пельмени с мутным бульоном, не замечая, что начинка шевелится.

У дальней стены: Лаковая скамья для «почётных гостей» — но сегодня там сидел лишь один человек. Его лицо было скрыто тенью широкополой шляпы, а пальцы, обёрнутые шёлковыми лентами, медленно водили по краю чаши. Рядом с ним на полу лежал длинный свёрток, от которого пахло ржавым железом и мокрой кожей.

— Ваш цзю, господин, — её голос был мягким, как шёлк, но глаза не отражали света.

Она поставила перед гостем пиалу с тёмным настоем — жидкость была настолько густой, что казалось, будто в ней плавают тени.

Сделав первый вдох, Бай Юй почувствовал сладость забродившего риса.

После — привкус меди, словно в чай капнули крови.

И наконец — лёгкий аромат гниющих водорослей, будто напиток достали со дна реки.

Предмет плавно опустился вновь на стол. Он полностью отдал волю чувствам и ощущениям.

Девушка скользнула дальше, её босые ноги не оставляли следов на мокром полу. Она даже не придавала никакого значения внешности нового гостя, словно это было в порядке вещей.

Ни белоснежные волосы нового гостя, ни синеватые губы, словно у утопленника. Белая кожа с синеватыми паутинками

вен, проступающими, будто речные пути на карте.

В самом тёмном углу, где тени сгущались, словно чёрная смола, сидел старый музыкант. Его цисяньцинь (семиструнная цитра), вырезанная из грушевого дерева, что росло на заброшенном кладбище, издавала звуки, напоминающие предсмертные стоны утопленников.

Пальцы его, искривлённые, как корни древнего дуба, дрожали на струнах, будто боялись коснуться правды, скрытой в нотах.

Пустая глазница сочилась тёмной влагой – не слезами, а чем-то более густым и липким, что оставляло на его иссохшей щеке мерзкие дорожки.

Его дыхание пахло забродившим вином и медными монетами, которые кладут на веки покойникам.

Когда таинственный гость в широкополой шляпе бросил бронзовую монету, та зазвенела, словно погребальный колокольчик.

Музыкант замер. В его руках теперь была пипа. Его горло сжалось – и вдруг из него полился совершенно молодой голос, чистый и звонкий, будто голос мальчика, утопленного в этой реке тридцать зим назад.

«Лунный свет дрожит на клинке,
Ветер стонет у горы Тайшань.
Кто-то пал в том последнем бою –
Но не нашёл даже гроба, о нет...»

В этот миг Бай Юй почувствовал, как его нефритовая подвеска внезапно забила у него на груди, словно пойманная рыба.

Дощатый пол под ногами задышал, будто под ним проснулось нечто огромное и древнее.

Тени на стенах зашевелились, принимая очертания воинов – они протягивали руки к посетителям, но никто, кроме слепого карпа, этого не замечал.

Пол под ногами затрясся, будто под ним проснулся дракон-ин.

Его скрытые жабры под кожей задрожали, улавливая запах страха музыканта – терпкий и горький, как перезрелая хурма.

Цитра теперь играла сама по себе – её струны перебирали невидимые пальцы.

В такт музыке стучали зубы одного из пьяниц – он ещё не понимал, почему не может остановиться.

Волосы на затылке Бай Юя встали дыбом, будто невидимые губы коснулись его шеи.

Хлыст из водорослей на его поясе зашевелился, жадно впитывая влагу из воздуха, словно почуяв добычу.

Столбы начали медленно скрипеть, выстраиваясь в зловещий круг, будто для древнего ритуала.

Вино в чашах потемнело, став густым, как запекшаяся кровь.

Девушка-служанка замерла у двери – её тень осталась сто-

ять у стола, улыбаясь во весь рот, обнажая слишком острые клыки.

Бай Юй понял:

«Это не таверна. Это – ловушка.

А мы – приманка для чего-то древнего.»

Гость в шляпе наконец поднял голову – под полями не было лица, только мокрое зеркальное отражение, искажённое до неузнаваемости. Музыкант запел громче, но теперь его голос раздавался из всех углов сразу, а из-под столов начали выползать бледные руки...

«О-эй-яо!..

Кто видел двадцать духов у реки?

Их шаги не тревожат песок.

О-эй-яо!..

Кто слышал, как меч-рубин поёт?

Он зовёт... но не зови в ответ!»

Тени сгущались, подобно чернильным водам реки Вэй в сезон разливов, заполняя каждый угол проклятой таверны густым мраком, словно дым от погребальных костров. Бай Юй стоял неподвижно, как нефритовая статуя в храме предков, его слепые глаза - молочно-белые, будто лунный свет, отраженный в замерзших водах озера Тайшань - уловили малейшее колебание воздуха, тяжелого от запаха прогорклого масла и старой крови. Нефритовая подвеска в виде карпа на

его груди внезапно вспыхнула ледяным зеленым светом — предупреждение, которое нельзя было игнорировать.

Первая тень напала беззвучно, вырвавшись из трещины в стене, как черная молния среди грозových туч. Ее форма напоминала человека, но конечности были вытянуты, словно у голодного духа Гуй из крестьянских легенд, а вместо лица зияла пустота, подобная провалу в заброшенном колодце для утопленников. Бай Юй не видел, но чувствовал кожей - вибрации воздуха, несущие запах гниющих водорослей с илистого дна местной реки, легкий шелест, напоминающий шепот сотен голосов на забытом языке древнего царства Ци.

Его хлыст из водорослей ожил мгновенно, будто речная змея, разбуженная шагами незваного гостя.

- Цюй! - его голос прозвучал резко, как удар бронзового гонга во время храмового праздника в Линьцзы.

Хлыст взметнулся в воздух, капля ртути на его конце сверкнула, подобно слезе, скатившейся по щеке плачущего демона. Удар пришелся точно в "грудь" тени, и существо взвыло - звук, напоминающий скрежет ритуального ножа по кости жертвенного быка. Тень рассыпалась на тысячи черных капель, которые замерли в воздухе, дрожа, как стая испуганных воробьев перед осенней грозой.

Бай Юй знал — это только начало.

Из-за перевернутого стола, будто из самой преисподней, выскользнула девушка в рваном красном шаньи цвета свежей крови на жертвенном алтаре. Ее длинные черные воло-

сы развевались, подобно знамени поверженного генерала на поле битвы при Цзюйлу, а в глазах горели девять золотых искр - как девять священных зеркал в храме Лунных духов у подножья горы Тайшань.

— Ты опять влип в историю, слепой карп! — её голос звенел, как колокольчик, но в нем слышалось что-то хищное.

Ён Ми, Самвихо, треххвостая лисица, не ждала приглашения. Ее пальцы сжались, и в воздухе вспыхнули синие лисьи пламенные духи огня, преданные её роду.

Тени зашипели, отступая.

— Я не просил помощи, лисица, — пробормотал Бай Юй, но угол его губ дрогнул.

— А я не спрашивала!

Первая волна атаки пришла внезапно - десятки теней вырвались из стен, пола, даже из чашек с прогорклым вином, подобно черным струям из прорванной плотины на реке Хуанхэ. Они двигались в жуткой гармонии, их формы перетекали, сливаясь в кошмарные образы:

- Тень с мечом, лезвие которого сверкало, как зимняя луна над замерзшими водами реки Вэй;

- Тень с безликой маской, рот которой растягивался, обнажая частокол зубов, подобных костям в братской могиле после битвы;

- Тень ребенка с руками, синими от холода вечности, как у утопленника, пролежавшего в воде три сезона.

Бай Юй не дрогнул.

Хлыст Бай Юя пел в воздухе древнюю песню смерти, каждый удар оставлял серебристый след, будто хвост кометы на ночном небе над равнинами Шаньдуна. Тени вопили голосами павших воинов, но возрождались вновь, как сорная трава после степного пожара.

- Они питаются страхом! — крикнула Ён Ми, отшвыривая одну из теней ударом огненного хвоста

- Значит, будем биться без страха.

- А ещё более очевидные вещи, в твою голову не приходят?

Лисица не знала жалости. Ён Ми сражалась с яростью тигрицы, защищающей детенышей. Ее шесть хвостов метались в бою, подобно боевым знаменам на поле брани при Янцзе. Её шесть хвостов развернулись, как веер смерти, каждый излучал синее пламя, которое пожирало саму тьму.

- Первый хвост рассек тень пополам, как меч палача во время казни предателей;

- Второй сжал другую, пока та не лопнула, словно переспелая хурма в садах Ци;

- Третий пронзил сразу трех врагов, как шампур для жарки мяса на осеннем празднике урожая.

Но тени приспосабливались.

Одна из них ухватилась за её пламя и потянула, словно пытаясь погасить.

- Ах ты...! — Ён Ми взвизгнула, но не от боли, а от ярости.

Её глаза вспыхнули, и внезапно вся таверна озарилась

ослепительным светом.

Бай Юй почувствовал это первым.

— Они не просто тени... Это Гуй Ин — отражения тех, кто умер в этом месте!

Ён Ми оскалилась:

— Значит, нужно разбить зеркало!

Она взмахнула рукой, и в воздухе появилось зеркало из синего огня — инструмент кумихо, способный показать истинную суть вещей.

В отражении таверна была пуста — ни столов, ни людей... только чёрное озеро, а над ним — разбитое зеркало, из которого и лезли эти тени.

— Бай-Бай, бей в центр!

Слепой карп не раздумывал.

Он рванул свой хлыст вперёд, но не по теням — по воздуху, туда, где в отражении было разбитое зеркало.

Ртуть на конце хлыста вспыхнула, и пространство заскрипело, будто стекло под давлением.

— Ломайся! – Выкрикнула Ён Ми

Треск.

Зеркало разбилось.

Тени взвыли в унисон — звук, от которого кровь стыла в жилах. Они начали рассыпаться, как пепел, их формы таяли, словно снег на горячих углях.

Но последняя тень — та, что была ребенком — ухватилась за подол Ён Ми.

— Помоги... — прошептала она.

Лисица замерла.

Бай Юй уже занёс хлыст, но Ён Ми остановила его.

— Нет. Она... настоящая.

Девочка-тень глядела на них пустыми глазами.

— Я упала в реку... Они не дали мне выплыть...

Ён Ми присела перед ней, её огненные хвосты погасли.

— Кто?

— Тот, кто... тот кто... живет в пятом доме. Прямо по улице.

Бай Юй резко обернулся.

В дальнем углу, где раньше сидел гость в шляпе, теперь никого не было.

Только длинная дощечка на полу шевельнулась, будто что-то внутри него проснулось.

Тени исчезли.

Таверна вернулась к своему обычному виду, если не считать разгрома.

Ён Ми выпрямилась, её хвосты снова стали пушистыми и безобидными.

— Ну что, карп, скажешь спасибо? – и зябрала у него свиток, разворачивая.

Бай Юй фыркнул, но кивнул.

— Спасибо, лиса.

Она ухмыльнулась, но вдруг насторожилась.

— Что это?

На полу, где лежал свёрток, теперь осталась только лужица воды... и детский башмачок.

Бай Юй наклонился, поднял его.

— Она уплыла.

Ён Ми вздохнула.

— Значит, в этом месте ещё не всё закончилось.

За окном ночь уже полностью вступила в свои права.

Где-то вдали завыл ветер — звук, похожий на плач.

Бай Юй положил башмачок на стол.

Куда теперь?

Очевино же! – Ён Ми постучала карпа по лбу, словно он глупый малек. – в пятый дом вперед по улице!

Хроники о соломенной кукле и следах, что ведут внутрь.

260 год до н.э. Линьцзы

Час Сюаньцзы (закат или ночь?)

Луна повисла над городом, как нефритовый диск на шелковом небе - бледный и холодный. Ее свет скользил по крышам дворцов, превращая черепицу в чешую спящего дракона. Узкие улочки Линьцзы тонули в дымке вечерних туманов, лишь изредка прерываемых трепещущим светом глиняных светильников.

Ён Ми прижала ухо к сырой стене, покрытой каплями ночной росы:

- Слышишь?

Бай Юй провел перепончатыми пальцами по поверхности лужи. Вода задрожала, складываясь в зловещий знак "смерть" из гадательных костей:

- Если о сверчках - нет. Если о твоём пустом желудке - да.

Лиса фыркнула, прижимаясь лбом к холодной глине:

- Беспольный, как сушеная рыба на алтаре предков! Лучше бы съела его! От него больше проблем, чем пользы! - прошептала она так тихо, что слова растворились в ночи, подоб-

но дыму жженой полыни.

Но Бай Юй услышал. На его губах дрогнула тень улыбки — лёгкая, как крыло ночной бабочки.

— Идем. Пока мы не стали жертвенным угощением для злых духов. - С этими словами Ён Ми гордо подняла голову и зашагала вперед, её шаньи шуршал, словно шепча древние проклятия.

Дорога, вымощенная камнями с трещинами-оберегами, вилась между глинобитных домов. В дренажных канавах вода пузырилась черной жижей, словно кто-то разводил тушь для записи самых мрачных пророчеств.

На перекрестке дымились прутья персикового дерева - их едкий дым должен был отпугнуть злых духов. Ён Ми сморщила нос:

- Пахнет, как в кухне моего дяди после "особого" рагу из собачатины.

Бай Юй раздавил ногой рассыпанные по дороге клыки-обереги:

— Это жжёная полынь. И... человеческие зубы.

Ответом было сердитое молчание, которое говорило само за себя:

— Кажется, в этом «рагу» появятся кости одного карпа, — прошептал он себе под нос.

— Вполне достоверный рецепт! — отозвалась лиса, даже не удостоив его взглядом.

Дом стоял в стороне, будто стыдясь своего упадка. Сте-

ны из утрамбованной земли потемнели от времени, как лицо старого гадателя, видевшего слишком много горя. Крыша из серой черепицы просела в нескольких местах, будто согнувшись под тяжестью невысказанных тайн.

Ворота были завешаны белыми траурными полотнищами, а по сторонам висели связки чеснока и персиковых ветвей. На одной из дощечек кто-то выцарапал иероглифы: "Покой" и "Возвращение".

Ён Ми провела когтем по древесине:

- Как думаешь, они пытались кого-то удержать... или не пустить внутрь?

Бай Юй прикоснулся к двери, и его пальцы тут же стали влажными, будто он дотронулся до слез самого дома:

- Оба варианта одинаково плохи. - но прежде чем самви-хо что-то ответила, он добавил: - Следы детских босых ног ведут внутрь, но не наружу... Идем.

Его хлыст "Плачущие водоросли" извился в воздухе, словно речной угорь. Обвив балку, Бай Юй взмыл вверх легче осеннего листа. Повиснув в воздухе, он протянул руку девушке. Его ладонь бледнела в лунном свете, как кусок нефрита.

— Я тебя другое просила, рыба хвостина! - возмутилась Ён Ми и вспрыгнула на крышу одним движением, ее три хвоста распушились, словно серебристые перья ночной птицы. Черепица под ее ногами не издала ни звука – будто она ступила не по глине, а по поверхности озера.

Внутри двора царила тишина, густая, как похлебка из по-
лыни. Бай Юй прижал ладонь к стене - его кожа слилась с
сырой глиной, как вода с водой...

"Глаз карпа"...

Стена под его рукой забилась, словно живое сердце.

- Двое... - его голос был тише шелеста крыльев ночной ба-
бочки. - Их сердца бьются в унисон. Как у близнецов. Стран-
но... здесь полно воды, хотя дождя не было неделю. Жди
здесь...

Его пульс замедлился до одного удара в минуту. Теперь
он был невидим для духов - прозрачнее утреннего тумана
над рекой.

"Может, от него и правда есть толк", - мелькнуло в голове
у Ён Ми.

Из трубы донесся детский плач, а где-то внутри скреблось
что-то острое по дереву, будто нож вырезал погребальные
таблички.

На дверном косяке - свежие царапины, будто кто-то
скребся изнутри.

Под порогом рассыпана соль, смешанная с пеплом.

Комната, освещенная трепещущим светом жертвенных
свечей, была узкой и низкой, словно гробница, вырытая в
толще времени. Стены, покрытые потрескавшейся глиной,
шептались шорохом тараканов, бегущих от чего-то невиди-
мого. На полу – рассыпанные зерна риса (подношение ду-
хам), а в углу стоял разбитый кувшин с засохшими лепест-

ками хризантем – символом смерти.

Алтарь был вырезан из черного дерева, покрытого трещинами, как кожа старика. На нем – соломенная кукла с привязанными детскими волосами, одетая в локуты похоронного одеяния. Рядом – чаша с застывшей кровью и ржавый ритуальный нож.

Мужчина и женщина раскачивались в такт, которого не было – их движения напоминали марионеток, дергаемых за невидимые нити. Их тени на стене корчились, связанные алыми шелковыми нитями, будто души, сплетенные проклятием.

- Мужчина – высокий, но сгорбленный, словно нес невидимую ношу. Его лицо было бледным, как луна за пеленой тумана, а глаза – мутными, как вода в стоячем пруду.

- Женщина – худая, с впалыми щеками, ее губы шептали что-то на древнем наречии Ци, звучавшем, как шелест сухих листьев.

— Ми-ми, тени! – его голос рванулся сквозь воду, словно пузырь воздуха из глубины.

Но было поздно.

Черные воды – не настоящие, а тьма, рожденная злыми духами – хлынули, как река Хуанхэ в сезон разливов, поглощая все вокруг, а перед самым носом лисицы закрылись двери.

Смех утопленников раздавался со всех сторон – то детский хихикающий шепот, то хриплый вой старика.

— Ловил одного, а попалась мне рыба! Не это ли к удаче?!

Голос принадлежал тому самому незнакомцу из таверны.

Он возник из ниоткуда, будто выплыл из самой тьмы.

Широкополая шляпа (из сплетенного тростника) скрывала лицо, но под ней мерцали два огонька – как глаза лисицы в ночи.

Его плащ был сшит из лоскутов траурных одеяний, а на поясе висел мешочек с человеческими зубами (оберег или трофеи?).

В руке он держал бамбуковую флейту, но на ней не было дырок – флейта для мертвых.

— Ты думал, карп может уплыть от сети? – прошипел он, и его голос звучал, как скрип утопленника, волочащего цепи по дну реки.

И в этой всё пожирающей мгле, где даже воздух стал густым, как похлёбка из костей, Бай Юй чувствовал.

Не глазами – они были бесполезны, где тьма липла к векам, как смола. Не ушами – их уже заполнил хор утопленников, смешивающийся со скрипом несмазанных тележных колёс (а может, это скрипели кости?).

Он чувствовал кожей, той самой, что когда-то была покрыта карповой чешуёй - душу девочки.

Она ещё не растворилась во мраке – маленькая, дрожащая искорка, затерянная в этом море скорби.

Её плач был тоньше писка летучей мыши, но он резал слух острее, чем ритуальный нож.

Её зов на помощь обжигал, как кипяток, хотя звучал тише, чем падающая на пол рисинка.

«Спас... спаси...»

Не слова – осколки слов, застрявшие в горле, как рыба кость.

Бай Юй знал – это не призрак. Ещё не призрак.

Её душа держалась за этот мир единственной нитью –

- Страхом перед тем, что ждёт во тьме?

- Любовью к кому-то, кто остался среди живых?

- Или проклятием, вплетённым в те самые алые нити на алтаре?

Он протянул руку – его пальцы, бледные, как лунный свет на дне колодца, коснулись тьмы.

И тьма зашевелилась, как гнилая вода в заброшенном пруду.

Где-то рядом Ён Ми зашипела:

— Если ты сейчас начнёшь спасать каждую плаксю-невидимку – я тебя сама придушу, рыба тень!

Но её голос дрогнул.

Потому что даже она услышала тот самый детский шёпот, который теперь звучал яснее:

«Они... в колодце... все они в колодце...»

А за спиной у Бай Юя незнакомец в широкополой шляпе медленно поднёс к губам флейту без дырок.

И в тот миг, когда флейта без дырок завывала – тонко, как ветер в пустых черепаках, – тень за спиной Ён Ми взвилась.

Она оторвалась от земли, будто чёрный дым от погребального костра, и закружилась в воздухе, повинувшись жутким нота́м.

Это была не просто тень – она жила своей жизнью, её движения были слишком плавными, слишком осознанными. Её очертания пульсировали, то растягиваясь, как кожа на барабане, то сжимаясь в плотный клубок, как паук перед прыжком.

Ён Ми ощети́лась.

Её собственные три лисьих хвоста вздыбились, шерсть встала дыбом, как у кошки перед грозой. Когти выдвинулись сами по себе, царапая каменные плиты – искры посыпались, как зёрна проса из разорванного мешка.

— Чёртова дудка! – прошипела она, но её голос потерялся в визгливых нотах.

Тень зашептала – нет, запела – тем же голосом, что и флейта, но слова были узнаваемы:

«Ён Ми... Ён Ми...»

Имя звучало так, как его произносила её мать – та самая, что продала её шаману в голодный год.

Это был голос из прошлого.

А тем временем:

Бай Юй всё ещё тянулся к дрожащей душе девочки, но его пальцы начали чернеть, будто окунались в чернила из склепа.

Незнакомец в шляпе раскачивался в такт музыке, его тень

сливалась с другими тенями на стенах – их стало слишком много, будто в комнату набился целый похоронный кортеж.

— Рыба! – крикнула Ён Ми, отбиваясь хвостами. – Если не вытащишь её сейчас, я сделаю из тебя уху!

Но Бай Юй уже не слышал – его сознание проваливалось туда, где плакала девочка, а вокруг собирались другие тени – маленькие, с глазами, как у головастиков...

Они тоже звали на помощь.

А флейта играла, играла, играла...

Тяжёлые удары прогремели в южные ворота, словно молот бога войны бьёт в набат.

Дерево треснуло, и щель побежала по резным амулетам.

В щели просочился чёрный дым, пахнувший серой и прокисшей кровью.

— Мо Хэй!

Голос пришедшего прорвался сквозь вой флейты – низкий, как гром перед ливнем, но с лёгкой хрипотцой, будто его владелец слишком много курил опиума бессмертных.

И тот откликнулся.

Тень за спиной Ён Ми вздрогнула, её контуры поплыли, будто её позвали по имени.

На мгновение музыка флейты смолкла.

Южные ворота лежали в осколках, как разбитые скрижали судьбы. Кровавый демон стоял в дыму, его железная маска дымилась словно внутри пылал адский уголь. Мо Хэй — тень, что была частью Ён Ми, — теперь корчилась в воздухе,

разрываемая между зовом флейты и приказом демона.

А Бай Юй?

Его рука, всё ещё протянутая к душе девочки, почернела до локтя. Вода, которой не было, поднималась, обволакивая его, как саван.

— Рыба! — крикнула Ён Ми, но её голос утонул в рёве надвигающейся бури.

И тогда —

Тьма сомкнулась.

Колодец забытых имен

Бай Юй

Тишина.

Не та, что бывает перед рассветом, а густая, утробная, будто мир задержал дыхание.

Где-то капнула вода.

Раз.

Два.

Бай Юй открыл глаза.

Он не плавал в чёрной воде и не лежал среди обломков ворот.

Он сидел на краю колодца — того самого, о котором шептала девочка.

Колодец был сухим.

Но снизу, из глубины, доносился шёпот.

— Они все здесь...

— И ты тоже.

А где-то вдали, будто сквозь толщу времени, звучала флейта.

Играла ту же мелодию.

Но теперь в ней слышалось что-то новое...

Имя.

Звать здесь кого-то было бесполезно.

Голос тонул в пустоте, не находя эха. Бай Юй поднялся на ноги, распластав ладони над иссохшей землей. Он не видел — не видел давно, — но мир приходил к нему иными путями:

Запах сухой глины, вперемешку с чем-то сладковато-гнилым — как листья лотоса, забытые в стоячей воде.

Звук собственного дыхания, отражённый от близких стен — значит, он в узком пространстве, может быть, дворик или пещера?

Вибрация под пальцами — земля дрожит, будто где-то далеко идут... или бьются в судорогах.

Колодец.

Он чувствовал его — пустоту перед собой, холодное дыхание, поднимающееся снизу.

И шёпот.

Не слова, а осколки слов, падающие, как капли в глубь.

«Они... все... здесь...»

Бай Юй наклонился, и волосы на его затылке встали дыбом.

Кто-то дышал ему в лицо.

Слишком близко.

— Кто здесь? — его голос не дрогнул, но пальцы сжали хлыст.

Ответом стал смешок — детский, но испорченный, будто кукла научилась смеяться.

Потом шёпот:

«Ты ведаешь...»

И прикосновение — холодные пальцы скользнули по его запястью.

Нащупывая пульс.

Он стоял, как столб тумана над рекой — неподвижный, но готовый раствориться или ударить. Его пальцы чуть сжали хлыст, но не дрогнули. Слух обострился до предела:

- Капли с потолка (пещеры?) падали в лужу крови (это была кровь — он узнавал её по липкому звуку).

- Дыхание того, кто держал его за руку — прерывистое, с бульканьем, будто в лёгких стоит вода.

- Шорох по краю колодца — что-то маленькое (крысы? дети?) бежало по кругу.

— Кто ты?

Голос его был ровным, как зеркальная гладь озера в безветренный полдень, но в нём не осталось ни капли привычной иронии. Только лёд — тот, что крошится под ножом, остро отточенным и беспощадным.

Ответ пришёл не словами.

По его руке проползло нечто —

- Мокрое, как только что выловленная рыба, брошенная на солнцепёк.

- Шершавое, как кора старого ивы, под которой хоронили

самоубийц.

- С когтями, но слишком лёгкое — будто пустотелое, словно высушенный стручок гороха, в котором шевелятся мёртвые жучки.

Пальцы?

Куриные лапки?

Или кости, обтянутые кожей, как барабан перепонкой?

А потом —

Шёпот.

Прямо в ухо, так близко, что губы (если это были губы) коснулись его ушной раковины:

— Тот, кого ты оставил умирать.

И память ударила —

Не как волна.

Как топор, рубящий по стволу бамбука — резко, звонко, с расщепляющимся эхом.

Река.

Ночь.

Крик девочки.

И он...

Ладонь опустилась на его глаза.

- Холодная, как плоский камень на дне зимнего ручья.

- Шершавая, как пемза, которой трут пятки покойникам перед погребением.

- Человеческая — но слишком лёгкая, будто кожа натянута на пустоту.

И тогда —

Свет.

Он никогда не видел света.

Не знал, что он:

- Режет, как туго натянутая шёлковая нить, впивающаяся в веко.

- Обжигает, как пар от котла с боярышником — тот, что варят в домах, где ждут смерти.

- Дрожит, как поверхность рисового вина в чаше, которую несёт дрожащая рука.

Он зажмурился — рефлекторно, как червяк, внезапно вытасченный из тёмной влажной земли на солнце.

Но ладонь не давала закрыться — твёрдая, как крышка гроба, которую придавили камнями.

— Смотри, — прошептал голос.

И он увидел...

Лето.

Жара, густая, как мёд, вылитый на раскалённую медную пластину.

Резкий запах тины, сладковато-гнилая, как кожа лягушки, оставленной умирать в жестяной банке.

Спелый лотос — его аромат странно похож на запах свежей рыбы, разрезанной по хребту.

Он стоит на берегу.

Как?

Он же никогда не стоял здесь.

Но это не важно.

Вода перед ним бурлит, как котёл с ядом, подхватывая маленькое тело в синем платице — цвета потускневшей керамики, упавшего в грязь.

Её руки — бледные, как луна на рассвете, когда она ещё не решила, тонуть ли в утренней заре.

Её глаза — чёрные, расширенные от ужаса, как дыры, прожжённые раскалённой спицей в шёлковой занавеси.

Он бросается в воду.

Но —

Течение слишком сильное.

Он чувствует как её пальцы скользят по его запястью — холодные, как мокрые зёрна риса, рассыпанные по каменному полу.

Как её крик тонет в плеске волн — не громкий, а тонкий, как звук лопающегося пузыря на воде.

Как вода (она холодная, он не знал, что вода может быть такой холодной) заливается ему в рот — солёная, как слёзы, которые никто не видел.

И потом —

Тишина.

Он не спас её.

Но теперь видит её круглое лицо, как лунный пряник. Последнюю улыбку, такую кривую, как трещина в глазурированной чашке.

Он не просто «увидел».

Он прожил это снова — но теперь с глазами, которые не могли закрыться.

Боль была острой, как игла, воткнутая под ноготь. Но хуже было другое —

Он так и не спас ее. Отвернулся, как считал теперь, позволив пучине поглотить ее.

Второе видение было не менее ярким.

Осень. Поле после битвы.

Ветер гнал пепел – не тот, что остаётся от костра, а серый и тяжёлый, как толчёные кости. Он прилипал к губам, к векам, к ранам – словно земля уже начала забирать своё.

Бай Юй сидел на корточках, прижимая к груди седого мужчину с распоротым животом. Кишки вываливались медленно, как толстые змеи из разорванного мешка. Кровь (ее было так много) текла по его пальцам – липкая, как варёный рис, смешанный с мёдом и сажей.

Смерть – она пахла как пустой глиняный кувшин, в котором долгокисло вино.

— Где... мой сын? — хрипел солдат.

Его глаза – жёлтые, как старый пергамент, пропитанный мочой и дымом – смотрели сквозь Бай Юя.

Он не знал.

Он только мог держать его, пока дыхание не становилось редким, как стук дятла по пустому дереву. Рука в его ладони не остывала, как камни на закате.

Он не спас его.

Но теперь видел:

- Морщины на лбу – глубокие, как трещины в высохшем русле реки.

- Запах дешёвого вина – оно пахло медью и кожей, будто его наливали в старый сапог.

- Слезу, которая так и не упала – застыла в уголке глаза, как капля смолы на сосне.

Второе тут же обратилось в третье видение:

Зима. Деревянный дом. Треск пламени.

Он бежал (как? он же слепой? но ноги помнили этот путь).

Она стояла на пороге, охваченная алым.

Её волосы (чёрные, как крыло ворона, подстреленного в полёте) вспыхивали, как сухая солома. Её рот был открыт в крике, но звука не было – только тихий хруст, будто жук разгрызает сухую ветку.

Он тянулся.

Но... Крыша рушилась. Искры (они были золотые, как монеты, брошенные в могилу) осыпали его лицо.

Он не спас её.

Но теперь видел - серьгу в её ухе – она качалась, как пойманная на крючок рыбка. Родинку над губой – тёмную, как дыра от прогнившего гвоздя. Тень на стене – она танцевала, хотя сама женщина уже не двигалась.

И наконец четвёртое видение: Мальчик в колодце...

Весна. Деревня. Запах мокрой глины.

Бай Юй стоял у старого колодца (того самого?).

Из глубины доносился плач. Тонкий, как писк мышонка, поавшего в капкан. Прерывистый, будто кто-то душил его между всхлипами.

Он знал, что должен спуститься.

Но... Вода в колодце была чёрной. И лицо, которое смотрело на него снизу, не было лицом мальчика.

Оно улыбалось.

Слишком широко.

Слишком много острых зубов...

Каждое видение врвалось в его сознание новой ослепительной вспышкой, словно кто-то вбивал раскалённые гвозди прямо под веки.

Первая вспышка – белая, как молния, разрезающая чёрное небо перед ливнем.

Вторая – красная, как раскалённое железо, которым клеймят преступников.

Третья – синяя, как пламя спирта, вылитого на свежую рану.

И с каждой вспышкой – кровь. Она текла из его глаз густыми, тёплыми дорожками, как шёлковые нити, вытянутые из разорванного кокона. Она стекала по щекам, оставляя следы, как когти, царапающие мокрую глину.

Тишина.

Густая, как смола, тяжёлая, как камень надгробия.

Бай Юй стоял на дне колодца, его слепые глаза всё ещё сочились кровью. Она стекала по подбородку, капала в чёр-

ную бездну под ногами.

Капли не издавали звука. Их никто не слышал. Где-то в глубине шевельнулось что-то – может, тень, может, отражение. А может, тот, кто держал его.

Ладонь на его глазах исчезла. Но перед тем как раствориться, она что-то оставила.

Одинокий шёпот:

«Она придёт за тобой.»

И тогда – тьма сомкнулась.

Битва стихий

Ён Ми

Южные ворота рухнули, и чёрный дым хлынул внутрь, словно река Сыхэ, разгневанная богами, прорвала плотину. Ветер выл, как голодный волк, но соломенная шляпа Мо Хэя не шевелилась — будто сама тьма держала её недвижимой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.